

Litera

Правильная ссылка на статью:

Шалагина О.В. Жанровое своеобразие литературы 9/11 о детях // Litera. 2024. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.2.69897 EDN: GNIVZG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69897

Жанровое своеобразие литературы 9/11 о детях

Шалагина Ольга Вадимовна

ORCID: 0000-0001-8110-8117

аспирант, кафедра зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет
420056, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, 2

✉ olga.shalagina@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.2.69897

EDN:

GNIVZG

Дата направления статьи в редакцию:

14-02-2024

Дата публикации:

21-02-2024

Аннотация: В статье исследуется жанровая специфика американских романов 9/11 о детях. Особенности жанрового своеобразия литературы 9/11 включают модификацию классического романа воспитания. Такие жанровые элементы, как процесс становления героя, его путешествие за пределы обыденной жизни и возвращение уже измененным, по-прежнему находятся в основном сюжетном фокусе этих произведений. Однако темпоральность и стимул развития действия изменяются по сравнению с классическим романом воспитания, что характерно для поджанра романа инициации. Основным катализатором сюжета становится травматический опыт героев, представляющий собой травму утраты или психической травматизации близкого человека. Взаимосвязь мотивов поиска и путешествия символизирует личностное развитие и привносит элементы детективного квеста, а любовные мотивы связываются с результатом прохождения инициационного испытания и становлением личности героя. Для реализации поставленных задач в данном исследовании применяются культурно-исторический и

сравнительно-типологический методы с элементами структурного анализа. Научная новизна данной работы заключается в проведении исследования жанровых особенностей литературы о детях и подростках, тематически основанной на событиях 11 сентября 2001 года, на малоизученном корпусе художественного материала. Автор статьи впервые в отечественной науке предпринимает попытку выявить и обобщить характерные жанровые черты этого корпуса произведений. Основные результаты исследования заключаются в гибридизации жанров: роман инициации дополняется элементами детективного и любовного романов. Важным аспектом здесь является наличие мотивов путешествия и героизма, сопряженных с проблемой травмы незнания, травматического опыта утраты и сиротства. Данная статья углубляет научное знание по проблеме специфики литературы 9/11, актуализируя процесс трансформации и обогащения традиционных элементов жанра в контексте исторических событий, нашедших отражение в литературном творчестве представителей современной культуры.

Ключевые слова:

литература девять-одиннадцать, жанр, роман воспитания, роман инициации, квест, мотив пути, мотив поиска, мотив сиротства, детская травма, герой-ребенок

Террористическая атака на башни-близнецы, совершенная в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, положила начало формированию новой тематической группы художественных произведений под общим терминологическим обозначением — литература 9/11. В рамках пласта американской художественной литературы, представляющей осмысление этой трагедии в форме литературного творчества, выделяется отдельная подгруппа произведений, главными героями которых становятся дети и подростки. Изучение современной американской литературы как примера современного искусства в рамках актуальной культурной парадигмы, в особенности такой подгруппы произведений, которая не подвергалась сравнительному анализу до сих пор, представляется **актуальным** и значимым для отечественной американистики.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что выявление общих жанровых особенностей литературы 9/11 о детях и подростках впервые предпринимается в отечественном литературоведении. **Теоретическая значимость** исследования заключается в углублении научного знания по проблеме жанрового своеобразия американской литературы 9/11 о детях как примера группы произведений, представляющей посттравматический нарратив XXI в. **Практическая значимость** исследования определяется возможностью использования результатов в практике преподавания общих и специальных курсов по современной американской литературе. **Теоретической базой** исследования послужили труды литературоведов и культурологов, чья научная деятельность посвящена жанровым особенностям литературы о детях и для детей, а также теоретической разработке вопроса жанра романа воспитания и романа инициации: В. Я. Проппа [6], Н. С. Шалимовой [9], [10], [11], А. С. Одышевой [3], А. Н. Осокина [4] и др.

Материал исследования составляет корпус романов 9/11 о детях и подростках, изданных в период 2003–2019 гг., большая часть которых не имеет перевода на русский язык. В него вошли: «Обычные правила» [1] (*The Usual Rules*, 2003) Джойс Мэйнард, «Дорогая Зои» (*Dear Zoe*, 2004) Филипа Бирда, «Жутко громко и запредельно близко» (*Extremely Loud and Incredibly Close*, 2005) Джонатана Фоера, «Падающий» (*The Falling*

Man, 2007) Дона Делилло, «Щегол» (*The Goldfinch*, 2013) Донны Тартт, «Память вещей» (*The Memory of Things*, 2016) Гэй Полиснер, «Все, что нам осталось» (*All We Have Left*, 2016) Венди Миллс, «Надежда и другие панчлайны» (*Hope and Other Punchlines*, 2019) Джули Баксбаум. В исследовании применяются культурно-исторический и сравнительно-типологический **методы** с элементами структурного анализа.

В романах 9/11 о детях выявляются черты романа воспитания в его наиболее современной форме — форме романа инициации, объемно описанной Н. С. Шалимовой [9]; [10]; [11]. С одной стороны, литература 9/11 продолжает традицию романа воспитания, раскрывая тернистый путь становления героев. С другой стороны, если в классическом романе воспитания судьба героя прослеживается на протяжении продолжительного времени, то в произведениях литературы 9/11 травма значительно ускоряет процесс взросления героя. Более того, поджанр романа инициации здесь дополняется элементами других жанров: детективного и любовного романов. Так, будучи наследницей романа воспитания, литература 9/11 открывает новый этап литературы о детской травме.

В основе сюжета романов 9/11 о детях лежит процесс перерождения и нравственного развития, начало которому положила травма. Травма утраты становится главным катализатором сюжета. Потеря значимого близкого человека толкает героя-ребенка на его поиски в той или иной форме — иногда в виде прямого искания пропавшего, если герой не верит в факт гибели родителя («Надежда и другие панчлайны»), иногда в виде детективного расследования обстоятельств смерти определенного человека («Жутко громко и запредельно близко», «Все, что нам осталось»). Получая травму, герой-ребенок теряет прежние качества, соотносимые с детством, и ступает на путь взросления, который обычно характеризуется отсутствием опеки со стороны взрослых. Сепарировавшись от родителей, ребенок перестает быть объектом и становится субъектом, актором действия.

Особую актуальность в литературе 9/11 приобретает мотив сиротства. По словам А. С. Одышевой, «вход в Волшебную страну с родителями запрещен» [3, с. 216]. Так, в произведениях Ч. Диккенса, М. Твена, Ф. Баума, Дж. Барри, К. Льюиса и др. герои-дети по разным причинам теряют связь с родителями. Они оказываются либо на попечении замещающих родителей взрослых (опекунов, нянь, учителей), доверительные отношения с которыми выстроены недостаточно прочно, либо и вовсе предоставляются сами себе. Именно вдали от родительской заботы и опеки обычно начинаются детские приключения в литературных произведениях. Причем, нередко целью ребенка, которую он преследует, преодолевая страхи, опасности и испытания, является восстановление связи с родителями, возвращение домой.

В литературе 9/11 мотив сиротства порою становится еще острее, чем в классических произведениях англоязычной литературы XIX столетия. Мотив эмоционального разрыва героя-ребенка с родителями тоже прослеживается более ярко. После трагической смерти матерей героям романов Дж. Мэйнард «Обычные правила» и Д. Тартт «Щегол» предстоит переезд к отцам, с которыми дети никогда не были близки, и стремительное взросление. Как и в традиционных обрядах инициации, описанных В. Проппом [6], в процессе проработки травмы утраты герои обретают «помощников», старших товарищей, которые сопровождают ребенка на нелегком пути переживания потери: в романе Фоера — это Томас Шелл, дедушка и сосед мальчика, в романе Полиснер — дядя Мэтт и т.д.

Одни юные герои литературы 9/11 лишаются родителей в результате теракта («Обычные

правила», «Щегол»), другие — теряют с ними эмоциональную связь в результате травмированности родителей, замалчивания общего горя, временного отсутствия взрослых («Дорогая Зои», «Жутко громко и запредельно близко», «Падающий», «Все, что нам осталось»). Травма утраты и одиночество толкает подростков к отказу от учебы, общению с маргинальными сверстниками, мелким преступлениям, экспериментам с наркотиками и в конечном счете побегу из дома. В своих произведениях, наиболее приближенных к классической форме реалистического романа воспитания, Дж. Мэйнард и Д. Тартт подробно описывают мир ребенка, лишившегося семьи, и тернистый путь взросления.

«Тогда в Амстердаме мне впервые за много лет приснилась мама» [\[7, с. 11\]](#), — так начинается роман Д. Тартт. Мама снится главному герою, повзрослевшему Теодору Декеру в самый сложный период его юношества, когда вся жизнь катится под откос: «...в самую ужасную ночь я увидел во сне маму: быстрое, загадочное видение, будто визит с того света» [\[7, с. 11-13\]](#). Теодор Декер сиротеет в подростковом возрасте. В начале произведения главному герою тринадцать лет. Его мама гибнет в результате теракта в музее. Со смертью мамы Тео лишается детства («кружок солнечного света, живая картинка повседневного обычного счастья, которое я потерял вместе с ней» [\[7, с. 14\]](#)) и шанса на благополучную юность («потеряв ее, я потерял и всякий ориентир, который мог бы вывести меня в какую-то более счастливую, более людную, более нормальную жизнь» [\[7, с. 13\]](#)). Психическая травма Тео, утрата опоры в виде надежного взрослого, отсутствие родительского контроля и защиты приводят подростка к алкоголю и наркотикам: «неприкаянность, скитальчество, не за что уцепиться» [\[7, с. 324\]](#).

Спустя много лет после маминой смерти, главный герой по-прежнему находится в процессе переживания утраты и горюет о потере самого близкого человека. Вся дальнейшая жизнь Тео закручивается вокруг поиска мамы, которая, однажды, направившись в другой выставочный зал музея, дождливым апрельским вечером так и не вернулась домой. Мальчик находит маму только повзрослев и пройдя длинный путь во много лет, в Амстердаме, в зеркале, во сне, накануне попытки самоубийства.

Судьба героини романа Дж. Мэйнард «Обычные правила» схожа с трагедией Теодора Декера — 11 сентября Венди теряет маму. На момент начала повествования Венди живет в семье с отчимом Джошом и единоутробным братом Луи. Родители героини развелись, когда она была совсем маленькой. После смерти матери Венди не хочет переезжать к родному отцу в Калифорнию, ей было бы комфортнее справиться с горем в Нью-Йорке, вместе с близкими — с Джошом и Луи. Девочка почти не знает отца, а отчим и брат стали для нее настоящей семьей. Но Гарретт угрожает Венди разорить Джоша в суде за опеку над ней и убеждает дочь согласиться на переезд в Калифорнию. Венди не близка к родным отцом: он даже не помнит, сколько ей лет.

Напряжение в отношениях с родителями понижает качество коммуникации между героями-взрослыми и героями-детьми. Общение осложняет и распространенная тенденция к сокрытию от детей деталей трагедии 11 сентября 2001 года как потенциально травмирующей информации, и проблема вербального выражения травматического опыта. Замалчивание взрослыми фактов о гибели близких детям людей, попытки приукрасить, преподнести информацию ложно и подарить неоправданную надежду подвергают героев-детей вторичной травматизации: наносят им травму незнания. «Проблемой не-знания» американский историк и культуролог, теоретик исследований травмы К. Карут объясняет навязчивые фантазии и повторяющиеся кошмары о переживаемой травме. Вопросы, на которые носитель травмы не находит

ответов, мучают его бесконечным повторением [\[2\]](#).

Говоря о воссоздании мира детства в произведениях 9/11, следует отметить, что интенция хранения секретов исходит не только со стороны взрослых в отношении детей, но и наоборот. Детской субкультуре в целом свойственна определенная закрытость. В ней «присутствует желание отделиться, противодействовать миру взрослых, сохранить наиболее важное в тайне, быть неподнадзорной» [\[5, с. 404-405\]](#). Осложненная коммуникация с родителями, вызванная травмирующей ситуацией, обостряет эту универсальную характеристику мира детства в произведениях 9/11.

По сюжету романа Д. Делилло «Падающий» попытки взрослых скрыть информацию о трагедии от детей встречают неожиданную форму сопротивления со стороны детского сообщества. Из обрывков добытой информации дети составляют собственную версию событий 11 сентября. И даже откровенное раскрытие фактов взрослыми не может убедить их отказаться от собственного мифа. Мать Джастина поначалу пытается скрыть от сына страшную новость. Пенсионеры в кружке пациентов с болезнью Альцгеймера, которым руководит мать Джастина Лианна, рассуждают о том, что «детям правды [о теракте] не говорят» [\[1, с. 54\]](#). Лианна не показывает десятилетнему сыну телевизионные новости, но все же рассказывает о случившемся. Не получив доказательств словам матери, мальчик уверяется, что несмотря на крушение самолетов, башни не рухнули, — это ложь.

Лучшие друзья Джастина Кэти и Роберт, которых все называют просто Брат-с-Сестрой, живут в небоскребе в десяти кварталах от его дома. Через три недели после теракта Изабель, мать Кэти и Роберта, подозревает неладное и волнуется за детей: «они разговаривают на своем тайном языке и подолгу стоят у окна в комнате Кэти, прикрыв дверь». Несмотря на опасения Изабель, Лианна не видит ничего плохого в том, что «трое детей, собравшись вместе, ведут себя по-детски» [\[1, с. 15-16\]](#). Вскоре Изабель рассказывает Лианне, что Джастин приносит на встречи с друзьями бинокль, но та продолжает отмахиваться от озадаченной приятельницы, предполагая, что сын увлекся наблюдением за птицами. Лианна предполагает, что Джастин постоянно смотрит на небо, потому что его интересуют погодные явления, ведь в школе они как раз проходят облака. «Бинокль — часть этого синдрома замалчивания, которым увлеклись дети», — уверяет Лианну Изабель [\[1, с. 32\]](#).

Обе матери знают, что дети склонны хранить секреты от взрослых: «у наших деток есть свои миры, огромные, сияющие, куда родители не допускаются» [\[1, с. 32\]](#). Однако встревоженная Лианна все же предпринимает попытки расспросить сына о том секрете, который он хранит вместе с Братом-с-Сестрой, о бинокле и о Билле Адене. Но Джастин не желает делиться с матерью своей тайной, он отказывается отвечать на ее вопросы и невозмутимо отрицает, что брал отцовский бинокль. Дети скрывают от родителей свои догадки и «наотрез отказываются говорить на эту тему», но мать Роберта и Кэти подслушивает, как между собой они повторяют загадочное имя неизвестного человека — Билл Аден. «Вот что получается, когда мы оберегаем детей от новостей, — сетует Лианна. — Когда не подпускаем детей к виновникам массовых убийств» [\[1, с. 64\]](#).

Герои романов Ф. Бирда «Дорогая Зои» и Дж. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» также переживают травму незнания. После смерти младшей сестры героини «Дорогая Зои» Тесс и Эмили не получают от родителей психологическую поддержку, так как мать и ее муж сами не могут оправиться после смерти Зои. Детям приходится справляться с переживаниями в одиночестве. Тесс ощущает, будто родители исключили

ее из общего горя, поэтому она переезжает из их дома к родному отцу. Мама Тесс метафорически описывает их семью после смерти Зои как части одного целого, разлетающиеся в стороны, как будто что-то взорвалось между ними и разбросало их врозь [\[12\]](#).

Оскар из романа «Жутко громко и запредельно близко» знает, что отец пропал без вести, а мать с бабушкой похоронили на кладбище пустой гроб. Мама уверяет, что в гробу находится папин дух, но Оскар требует правды. В результате свое расследование деталей смерти отца Оскар держит в секрете: «Уходя на поиск замка, я становился чуточку легче, потому что приближался к папе. Но и чуточку тяжелее, потому что я чувствовал, как удаляюсь от мамы» [\[8, с. 31\]](#). Здесь мы видим, что ключевой элемент сюжета — личностная трансформация и взросление героя, вызванные травмой от потери близкого человека — реализуется в виде процесса расследования обстоятельств смерти пропавшего родителя.

Следует отметить, что иногда процесс взросления персонажа в литературе 9/11 иллюстрирует мотив путешествия, пути — в буквальном и символическом смысле. В романе «Обычные правила» дорога как процесс взросления и посттравматического восстановления описывается в заключительной части произведения. Венди возвращается в Нью-Йорк из Калифорнии через всю страну: поезд идет через высушенные золотые пустыни и горы Колорадо, холодную Небраску, бесконечную Айову. «Все это — часть жизни, да?» — говорит Венди попутчик [\[14, с. 376\]](#). Пройдя многочисленные испытания и пережив много боли после смерти мамы, Венди наконец возвращается домой.

Одиночество, холодность в детско-родительских отношениях, отсутствие опоры и авторитетного взрослого, травма утраты погружают юных героев произведений 9/11 в состояние поиска новых ориентиров. И если в романе «Падающий», основная идея которого заключается в принципиальной непреодолимости травмы, проблема, вызванная отстраненностью родителей, обозначается, но не решается, другие авторы 9/11 позволяют своим героям пройти путь страданий, ошибок и испытаний, чтобы в финале наладить детско-родительские отношения. Развязка произведений 9/11 о детях обычно обозначается определением нового статуса героя в отношениях со значимым взрослым или обнаружением символической внутренней опоры.

Таким образом, такие элементы романа воспитания, как процесс становления героя в основном сюжетном фокусе, выход героя за пределы первоначального окружения и возвращение его в новом статусе, сохраняются в литературе 9/11. Однако темпоральность и основной стимул развития действия модифицируются. В отличие от классического романа воспитания, который традиционно охватывает длительный период жизни героя, в литературе 9/11 нередко описывается лишь кратковременный, переломный промежуток — от нескольких лет («Щегол») до одного дня («Одиннадцать» (*Eleven*, 2014) Тома Роджерса), — который стремительно меняет героя, что в целом характерно для современного поджанра романа воспитания — романа инициации. Сюжетным триггером в литературе 9/11 становится террористический акт и утрата или травматизация близкого человека, что обусловлено тематической особенностью данного корпуса произведений.

А. Н. Осокин, опираясь на Л. Константинову, называет постироничный роман воспитания наиболее яркой формой реализации сегодняшнего автофикшена [\[4, с. 14\]](#). Писатели XXI века все реже высмеивают наивность своих героев и все чаще с симпатией и уважением

описывают их путешествие в поисках идеала.

Именно на процессе поиска строится сюжет большинства изученных нами романов 9/11. В американской литературе 9/11 можно выделить новую жанровую разновидность детектива — специфический квест, в котором разворачивается изучение знаменитого теракта. Всем известны те, кто совершил преступление, но в каждом индивидуальном случае ведется расследование того, как именно погиб — и погиб ли — тот или иной отдельный человек. Раскрытие тайны становится инициационным испытанием, оно способствует проработке травматического опыта героя и приводит к развязке сюжета. Пройдя этапы посттравматических переживаний, герой-ребенок абсорбирует травматический опыт, проходит становление личности и является в новом качестве.

Тенденция замалчивания информации о трагедии 11 сентября 2001 года при общении с детьми описывается во многих произведениях американских писателей. Уже в первых романах на тему переживания горя героем-ребенком практика сокрытия потенциально травмирующих фактов представляется как препятствие к проработке травматического опыта. Коммуникационный разрыв, растущий между взрослыми и детьми после шокирующей трагедии, укрепляет универсальную закрытость детских сообществ и толкает детей на собственные расследования в поисках правды. Поздние произведения 9/11 демонстрируют положительный эффект раскрытия «тайны» 11 сентября 2001 года детям и терапевтические свойства откровенной коммуникации на болезненную тему утраты.

Через год после трагедии герой романа Дж. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» Оскар Шелл находит в отцовском шкафу таинственный ключ в конверте с подписью «Блэк». Мальчик выясняет, что слово на конверте означает чью-то фамилию, и пускается в путешествие по Нью-Йорку, чтобы среди всех Блэков города отыскать того, который объяснит назначение ключа в папином шкафу.

Долгие пятнадцать лет семья героини романа В. Миллс «Все, что нам осталось» не может оправиться от потери старшего сына Трэвиса во время теракта. Они не говорят о Трэвисе. В местной газете каждый год на годовщину 9/11 печатается некролог с фотографией из его выпускного альбома. До сих пор никто не знает, почему Трэвис оказался в здании ВТЦ в день теракта. Джесси кажется, что, ответив на вопрос, как именно погиб ее брат, она узнает, что разрушает семью сегодня. Девочка уверена, что раскрытие семейной тайны изменит многое: «Это имеет огромное значение» [\[15, с. 239\]](#). Джесси находит спрятанный в сарае альбом с газетными вырезками о гибели брата, а затем и старый автоответчик, на котором записано сообщение Трэвиса, которое он оставил родителям 11 сентября. Поиск информации о прошлом и встреча со свидетельницей гибели брата помогает Джесси и ее семье вступить на путь проработки травмы.

В романе Г. Полиснер «Память вещей» главный герой Кайл начинает расследование с целью установить личность девочки, которую он спасает от самоубийства на Бруклинском мосту 11 сентября. В результате травматического шока девочка не помнит своего имени или скрывает его, чтобы не возвращаться домой. Кайл предполагает, что она страдает от особого типа амнезии — диссоциативной фуги. Писательница проводит параллель между общением героя с найденной девочкой и коаном из рассказа Сэлинджера «Хорошо ловится рыбка-бананка» (*A Perfect Day for Bananafish*, 1948). Кайл предпринимает различные способы вернуть память и раскрыть личность новой подруги: он ищет упоминания о ее школе и ее родителях в Интернете, обучает девочку упражнениям на тренировку быстрой памяти, берет ее с собой в путешествие по Нью-Йорку в поисках

знакомых мест и даже подвергает ее гипнотическому сеансу. Через некоторое время пребывания в безопасной среде и общения с Кайлом девочке возвращаются фрагменты воспоминаний [\[16\]](#).

Чтобы получить больше информации об исчезнувшем отце, герой романа Дж. Баксбаум «Надежда и другие панчлайны» Ной притворяется, что делает школьный проект к годовщине теракта и проводит интервью всех героев фотографии Малышки Надежды. У каждого героя фотографии есть своя стратегия переживания травмы, она выражается в мировоззренческой позиции, которую герой транслирует ребятам при встрече. Посещая всех героев фотографии, Ной и Эбби будто собирают секреты, которые помогут им примириться с утратой близкого и страхом собственной смерти или, напротив, препятствуют успешной проработке травмы.

Словно подъем по ступеням, интервью героев фотографии, одного за другим, приближает Ноя к раскрытию правды о смерти его отца. Правда запускает развязку романа и приближают героев к счастливому финалу: Ной сблизается с матерью и отчимом, мать раскрывает Ною хранимый ею секрет и делится множеством историй о погибшем отце мальчика, Эбби попадает в больницу с приступом кашля, это заставляет ее рассказать родителям о болезненных симптомах, которые девочка связывает с «синдромом 9/11», и начать лечение, а разведенные родители Эбби признаются дочери, что подумывают снова жить вместе.

Неизвестность, уклончивость взрослых, ложь и тайна, с которыми дети сталкиваются в процессе переживания последствий трагедии 9/11 приводят их к намерению начать собственное расследование. «Оказывается, я — герой самой длинной шутки за все времена. Я просто перевернул панчлайн задом наперед» [\[13, с. 217\]](#), — так думает Ной о том, что его мать знала детали смерти отца, но не рассказала их ему, даже несмотря на то, что долгие годы мальчик тщетно надеялся, что его отец жив.

Традиция американского сюжета о ребенке-сыщике уходит корнями в массовую американскую литературу XX века. Однако ребенок, расследующий тайну гибели близкого ему человека в результате террористической атаки, отличается от своего литературного предшественника. Он находится в состоянии глубокой скорби, страдает от посттравматического стрессового расстройства, его образ раскрывается более реалистично, с большим психологизмом и искренностью. И хотя в XXI веке американские авторы часто не позволяют ребенку-детективу завершить расследование ожидаемым результатом, тем самым поднимая проблему постправды и принципиального отсутствия истины как таковой, процесс разгадывания загадок, поиска улик и приближения к правде оказывает на героя-ребенка терапевтический эффект.

По сюжету романа, до 11 сентября по выходным Оскар с отцом играет в «Разведывательную экспедицию». Последняя экспедиция с картой Центрального парка, в ходе которой отец учит Оскара тому, что явления бывают бесцельными и бессмысленными, так и не успевает завершиться. После смерти отца Оскар, даже будучи, по его собственному признанию, атеистом, не может согласиться с идеей бессмысленности бытия, ему хочется, чтобы у всего на свете была цель. Каждый день отправляясь в детективное путешествие по Нью-Йорку в поисках замка, который открывается ключом из отцовского конверта, Оскар наталкивается на отсутствие смысла, но упорно продолжает его искать. Мальчик не может смириться с тем, что человеческая жизнь так мало значит в сравнении с существованием Вселенной. В действительности Оскар пытается найти смысл в смерти своего папы. Для ребенка невыносима идея о том, что папа стал бессмысленной жертвой террористической атаки. Но когда психотерапевт

прямо спрашивает его, может ли в смерти отца найтись какая-нибудь польза, Оскар впадает в бешенство.

Детективная линия произведений 9/11 дополняется мотивом путешествия, а точнее, посещения определенных точек на карте в форме квеста. Поиск свидетелей и улик заставляет детей совершать первые самостоятельные поездки по городу или даже по стране. Путешествие бывает и частью расследования («Жутко громко и запредельно близко», «Память вещей», «Надежда и другие панчлайны»), и самостоятельным элементом сюжета, символизирующим нелегкий путь взросления ребенка в процессе терапии травмы («Обычные правила»).

Детективный элемент часто дополняется мотивом героизма, который всегда присутствовал в детских детективах и приключенческих романах о детях. Уже в классических американских детективных историях о юных сыщиках образ ребенка приобретает даже супергероический характер. Мотивом супергероизма отмечается и история Алии Сусанто, героини романа В. Миллс. Терракт застигает девочку в южной башне ВТЦ, и это трагическое потрясение укрепляет веру Алии. Слово героиня комиксов, рисованием которых увлекается Алия, она бесстрашно рвется вверх спасать своего отца. Поначалу Алия не снимает с головы хиджаб, даже чтобы использовать его в качестве влажной маски от дыма, потому что он помогает ей чувствовать себя смелее и сильнее. Платок как символ веры помогает Алие набраться смелости в первые минуты трагедии, но затем она осознает, что веру и отвагу люди не носят на себе, как костюм, — эти качества идут изнутри. Алия все же снимает хиджаб ради спасения ближнего: она отдает платок задыхающемуся Трэвису для защиты от пыли и копоти. В критический момент Алия понимает, что настоящая супергероиня живет у нее внутри. Следует отметить, что храбрость и самоотверженность героини не сотворяют чудеса: Трэвис гибнет под обломками Южной башни. Так, Венди Миллс создает реалистический метамодернистский роман, основанный на подлинном историческом событии, вплетая в него романтические мотивы героизма, реализованные в образе Алии.

В романах Г. Полиснер, В. Миллс и Дж. Баксбаум возникает и мотив первой подростковой любви. Волнительное предвкушение начала романтических отношений, в котором пребывают герои, способствует терапии травмы, а обретение счастья в любви в финале романов служит доказательством прохождения инициационного испытания. По В. Я. Проппу, любовь или брак являются традиционной наградой для героя за прохождение обряда инициации ^[6]. Например, в произведении Г. Полиснер шестнадцатилетний Кайл Донохью 11 сентября встречает у перил Бруклинского моста девочку в костюме птицы с огромными оперенными крыльями за спиной, что дополняет портрет героини ангелоподобными чертами, которая, возможно, собирается прыгнуть с моста. Незнакомка страдает травматической потерей памяти, и Кайл отважно отправляется на поиски ее воспоминаний и прежней личности. Покоряясь первому романтическому влечению, рядом с незнакомкой Кайл забывает о трагических событиях.

Таким образом, жанровой спецификой романов 9/11 о детях является гибридизация: форма романа инициации, основанная на стадийном развитии личности, преодолевающей препятствия на пути взросления, запущенного получением травматического опыта утраты, дополняется чертами детективного и любовного романа с мотивами путешествия и героизма. Взаимосвязь мотивов поиска и путешествия, символизирующих процесс личностного развития персонажей, существенно влияет на жанровое своеобразие произведений 9/11 и задает новую форму детектива — квест. Любовные мотивы в рамках жанра романа инициации также связываются с процессом

становления личности героя, в котором любовь выступает как подтверждение преодоления испытаний.

[1] Здесь и далее перевод неизданных на русском языке текстов, произведений и трудов наш — О.Ш.

Библиография

1. Делилло Д. Р. Падающий // Иностранная литература. Литературный гид: французский калейдоскоп, а также роман Дона Делилло «Падающий». — 2010. — №4. — 210 с.
2. Карут К. Травма, время и история // Травма:пункты: Сборник статей. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — С. 561–581.
3. Одышева А. С. Репрезентация детства в английской литературе // Вестник Тюменского государственного университета. — 2011. — №1. — С. 215–216
4. Осокин А. Н. Прогрессия наивного аспекта в трех формах иронической чувствительности: от эстетики Кэмп к феноменам Новой искренности и пост-иронии // Культура и искусство. — 2019. — №10. — С. 7–17.
5. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. — СПб.: Питер, 2019. — 448 с.
6. Пропп В. Я. Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки. — СПб: Питер, 2021. — 560 с.
7. Тартт Д. Щегол. — М.: АСТ, 2016. — 827 с.
8. Фоер Д. С. Жутко громко и запредельно близко. — М.: Эксмо, 2013. — 215 с.
9. Шалимова Н. С. Жанровая атрибуция романа инициации на примере произведения Д. Тартт «Щегол» // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. — 2017. — №1 (39). — С. 163–166.
10. Шалимова Н. С. Поэтика романа инициации в современной литературе США // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — №15 (12). — С. 3800–3803.
11. Шалимова Н. С. Роман инициации как инвариантная форма романа воспитания // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2014. — №4(30). — С. 265–268.
12. Beard II Ph. E. Dear Zoe. — New York: Penguin Group, 2006. — 196 p.
13. Vuxbaum J. R. Hope and Other Punchlines. — New York: Delacorte Press, 2019. — 311 p.
14. Maynard J. The Usual Rules. — New York: St. Martin's Press, 2003. — 386 p.
15. Mills W. All We Have Left. — New York: Bloomsbury, 2017. — 262 p.
16. Polisner G. The Memory of Things. — New York: St. Martin's Griffin, 2016. — 278 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Жанровое своеобразие литературы 9/11 о детях», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду изучения современной американской литературы как примера

современного искусства в рамках культурной парадигмы. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что работа направлена на изучение особенности такой подгруппы произведений, которая не подвергалась сравнительному анализу до сих пор. Научная новизна данного исследования заключается в том, что выявление общих жанровых особенностей литературы 9/11 о детях и подростках впервые предпринимается в отечественном литературоведении.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

Научная работа выполнена в русле современных научных подходов, профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. В своем исследовании автор прибегает к научному обобщению литературы по избранной теме и анализу фактических данных. Структурно работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Материал исследования составляет корпус романов 9/11 о детях и подростках, изданных в период 2003–2019 гг., большая часть которых не имеет перевода на русский язык. В него вошли: «Обычные правила» (The Usual Rules, 2003) Джойс Мэйнард, «Дорогая Зои» (Dear Zoe, 2004) Филипа Бирда, «Жутко громко и запредельно близко» (Extremely Loud and Incredibly Close, 2005) Джонатана Фоера, «Падающий» (The Falling Man, 2007) Дона Делилло, «Щегол» (The Goldfinch, 2013) Донны Тартт, «Память вещей» (The Memory of Things, 2016) Гэй Полиснер, «Все, что нам осталось» (All We Have Left, 2016) Венди Миллс, «Надежда и другие панчлайны» (Hope and Other Punchlines, 2019) Джули Баксбаум.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых присутствуют как отечественные, так и зарубежные работы. БОльшее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы. Однако, данные замечания носят рекомендательный характер и не оказывают существенное влияние на восприятие представленного на суд читателя научного текста. В статье намечена перспектива дальнейшего исследования. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, литературоведам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Полученные результаты могут быть использованы при разработке курсов по теории и практике перевода и теории литературы. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Жанровое своеобразие литературы 9/11 о детях» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.